

КНЭХТ Наталья Петровна — кандидат философских наук, доцент; доцент Института высокотехнологического права, социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники» (124498, Россия, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, 1)

ПИРОГОВ Александр Иванович — доктор философских наук, профессор; профессор Института высокотехнологического права, социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники» (124498, Россия, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, 1)

ВЛИЯНИЕ НЕОКОНФУЦИАНСТВА НА ПОЛИТИКУ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ: МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И МОДЕРНИЗАЦИЕЙ

Аннотация. В статье анализируется понятие неоконфуцианства как политической научной традиции, его влияние на политическую систему современного Китая и легитимацию власти, выявляются особенности его адаптации к условиям становления многополярного мира. Особое внимание авторы обращают на то, каким образом неоконфуцианство как мировоззрение и политическая идеология влияет на современные политические реформы в Китае, и как традиционные ценности конфуцианства могут быть адаптированы к требованиям глобализации.

Ключевые слова: неоконфуцианство, даосизм, социальная гармония, социальный порядок, традиционные ценности, реформирование

Введение. Современный Китай, стремительно развивающаяся сверхдержава, представляет собой сложный сплав древних традиций и инноваций. В этом контексте неоконфуцианство как философское течение и мировоззрение, доминировавшее в китайской мысли на протяжении столетий, оказывает ощутимое, хотя и не всегда очевидное влияние на современную политику страны. Понимание этого влияния крайне необходимо для анализа внутренней и внешней политики Китая, прогнозирования его будущего развития. Кроме этого, неоконфуцианство как философия и культурная традиция, включающая систему этических норм и догм, имеет четкую социально-политическую направленность. В условиях глобализации и стремительных изменений в обществе эта система взглядов становится важным инструментом легитимации власти и обеспечения социальной стабильности. Вопрос о том, как неоконфуцианство влияет на политические процессы, требует понимания его исторических корней и современных интерпретаций.

Актуальность заявленной темы в контексте современного Китая и мира заключается в том, что она позволяет лучше понять, как традиционные ценности могут сосуществовать с современными требованиями и вызовами. В условиях глобализации и культурного обмена изучение неоконфуцианства становится важным для анализа политических и социальных процессов не только в Китае, но и в других странах, стремящихся к гармонизации традиций и модернизации.

Основная часть. Неоконфуцианство, возникшее в эпоху династии Сун (960—1279 гг.), представляет собой переосмысление и развитие классического конфуцианства. Оно привнесло в конфуцианскую этику и политическую философию элементы буддизма и даосизма, акцентируя внимание на метафизических вопросах, самосовершенствовании и моральной ответственности. Ключевыми фигурами, которые вслед за Конфуцием (551—479 гг. до

н.э.) способствовали развитию конфуцианства и его интеграции в политику, были «три мастера учения о принципе» – Сунь Фу (992–1057), Ху Юань (993–1059), Ши Цзе (1005–1045) и их ученики. Окончательно неоконфуцианство, основанное на текстах Конфуция и Мэн-цзы (372–289 гг. до н.э.), укрепилось в Китае с середины IX в. Во второй половине XX в. лидером неоконфуцианства стал Моу Цзунсань (1909–1995), проповедовавший идеи не только самореализации и самосовершенствования, но и формирования гармоничного общества и государства – главной идеи, заимствованной руководством Китая в интересах стабильного социально-экономического развития в новом тысячелетии.

Возвращение китайских интеллектуалов к идеям и ценностям неоконфуцианской идеологии связано с трансформацией основных нераздельных понятий конфуцианской философии – Ци и Дао. Ци имеет подчиненное значение и может быть представлено в значении механического оборудования, имеющего пространственную техническую форму. Дао есть то, что дает форму и явление, то, что пребывает над Ци как высшее сущее. Дао есть нечто непостижимое, что выше формы. Ци, которое олицетворяет сосуд, носитель, также не является чем-то только физическим, но еще означает щедрость, не ограниченную какой-то конкретной целью. Ци возникает в соответствии с бесконечным Дао, которое есть не только принцип бытия, но и свобода быть. Это нераздельные понятия [Кнэшт 2024].

Разрыв Ци и Дао произошел после «опиумных войн»¹, и это большая трагедия и для китайской цивилизации, и для китайской философии. Это решающий момент в современной истории Китая, когда в середине XIX в. произошел поворот к модернизации, связанный с осознанием китайцами своей технологической некомпетентности. В середине XX в. видный британский биохимик Джозеф Нидэм (1900–1995), ставший во второй половине жизни знаменитым историком науки и китаеведом, задал себе и коллегам вопрос (*the Needham question*, или *Grand Question*): «Почему современная наука, с ее математизацией гипотез о природе и с ее ролью в создании передовой технологии, возникла лишь на Западе во времена Галилея, а не в Китае, где многие века знания о природе использовались в практической жизни намного эффективней, чем на Западе?» [Needham 2004].

Вопрос, почему современная наука и техника не была развита в Китае, обсуждался на протяжении всего XX в. Одни считали, что китайская философия, в основе которой лежит связь понятий Ци и Дао, мешала модернизации и препятствовала возникновению научного духа. Другие доказывали, что техника в Древнем Китае не осмыслялась теоретически и поэтому не эволюционировала в современную технологию. И только в начале XX в., когда произошла китайская революция, интеллектуалы Поднебесной поставили вопросы, должен ли Китай быть всецело вестернизирован, и можно ли разработать подлинно китайский способ модернизации? Один из ответов был дан в статье «Манифест культурного развития», опубликованной в 1935 г. известными китайскими профессорами, которые выступили с критикой идеи «китайской мысли как тела и западной мысли как инструмента» как идеи неглубокой, которая может привести к забвению китайских истоков [Юк Хуэй 2023].

¹ «Опиумные войны» – это серия вооруженных конфликтов, происшедших в Китае в XIX в. между западными державами (в основном – Великобританией и Францией) и Империей Цин. Основной причиной этих войн были разногласия по поводу торговли опиумом, что и дало им название.

Эта позиция отражена в манифесте о переоценке китаеведения и реконструкции китайской культуры – в Декларации от имени китайской культуры, с уважением объявленной народам мира¹. Вопрос, поднятый учеными, заключался в несогласии с позицией очевидной незаинтересованности со стороны Запада в современной китайской нации и ее развитии. Новое понимание древности Китая западными интеллектуалами как содержимого музеев, как антиквариата преуменьшало важность Китая как современной нации и игрока на мировой арене. В манифесте утверждалось, что доктрина Синь-Син², которой западные китаеведы больше всего пренебрегают, – это «концентрация разума на исчерпывающем изучении природы вселенной».

Китай сегодня только расширяет модерн с помощью современной техники, конкурируя на том же уровне с Европой, и пока что единственной доминирующей космотехникой является европейский проект в условиях капитализма. Однако существует и позитивный прогноз для китайских интеллектуалов, который заключается не только в критической рецепции проблем глобализированной техники, но и в переосмыслении традиционных позиций в отношении Ци и Дао и вложении в них новых смыслов. В этом состоит возможное будущее для появления аутентичной философии техники в Китае, важное в целом для китайской цивилизации [Кнэйт 2024: 131]. Представители нового Китая выражают уверенность в самостоятельности и способности современного Китая эффективно интегрировать западные технологии и науку без потери своих корней и самобытности своей культуры.

Современные китайские политические руководители активно используют в своей деятельности нравственные нормы и принципы управления неоконфуцианства. Особую роль среди них играют 5 ключевых концептов: «жэнь» (человечность, добродетель, сострадание); «ли» (ритуал, этикет, социальный порядок); «и» (справедливость, праведность, моральный закон); «чжи» (мудрость, знание, способность к размышлению); «синь» (честность, верность, надежность). Кроме этого, неоконфуцианство особо отмечает необходимость морального лидерства со стороны правителей, самодисциплины и гармоничных социальных отношений.

Влияние неоконфуцианства на внутреннюю политику современного Китая проявляется в нескольких ключевых аспектах. Прежде всего, правящая партия – Коммунистическая партия Китая (КПК) – использует элементы конфуцианства для укрепления своей легитимности. Подчеркивая важность социального порядка, стабильности и гармонии, она позиционирует себя как гаранта этих ценностей, необходимых для процветания страны. Концепция гармоничного общества, предложенная КПК в начале XXI в., напрямую связана с неоконфуцианским идеалом социальной гармонии – высшей ценностью конфуцианства: каждый член общества может реализовать свои воз-

¹ Эссе было первоначально опубликовано в Китае и Тайване в 1958 г. В число авторов вошли ученые, изучавшие новое конфуцианство: Чжан Цзюньмэй, Тан Чун-И, Му Цунг-Сан и Сюй Фу-Гуань. Отвергая тотальную вестернизацию, эссе «требовало места для китайских культурных ценностей на мировой арене».

² Синь-Син в контексте китайской философии относится к концепции «сердца-ума» или «сердца-сознания», которая является важной частью китайской мысли, особенно в даосизме и неоконфуцианстве. В неоконфуцианстве «синь» также является важным понятием, связанным с самосовершенствованием и достижением «истинного знания». Неоконфуцианцы верили, что «синь» является местом, где находится врожденная «добродетель», и через развитие «синь» можно достичь морального совершенства.

можности, жить в гармонии¹ с другими людьми, выполнять свои обязанности по отношению к вышестоящим органам, а те, в свою очередь, должны заботиться о нижестоящих. Руководство КПК считает, что курс на построение гармоничного общества не означает смены внутренней и внешней политики — он инкорпорирован в концепцию построения социализма с китайской спецификой, согласно которой «социализм — это не тогда, когда нет богатых, а когда нет бедных»². В этой концепции, заимствованной из конфуцианства, основной задачей является построение «общества среднего достатка, или среднезажиточного общества» (*сяокан шэжуэй* — кит.), основанного на традиционных китайских ценностях, таких как семья, иерархия, уважение к старшим, взаимопомощь, солидарность и сотрудничество между различными социальными группами. КПК использует концепцию гармоничного общества³ для создания справедливого, стабильного и процветающего общества, основанного на сочетании экономического развития и социальной гармонии, для обеспечения стабильности в условиях формирующегося нового миропорядка.

В рамках концепции гармоничного общества КПК пытается улучшить социальное обеспечение и сократить социальное неравенство. Вводятся программы поддержки малоимущих, развивается система здравоохранения и образования. Тем не менее социальное неравенство остается значительным, а доступ к качественным услугам по-прежнему ограничен для многих граждан. Неоконфуцианский акцент на семейных ценностях также используется для оправдания ограниченной социальной поддержки со стороны государства, когда на семью перекладывается ответственность за заботу о пожилых и больных.

Китайское руководство эффективно сочетает социалистическую и капиталистическую модели социально-экономического развития. КПК удалось интегрировать воедино, казалось бы, несоединимое — социалистические принципы достижения благосостояния народа (равенство возможностей, социальная справедливость, перераспределение благ для обеспечения базового уровня благосостояния и достойной жизни всех граждан, социальные гарантии в области образования, здравоохранения, медицины, страхования и др.) с рыночными механизмами их реализации. При этом модернизация государства и общества идет своим путем, используя как творчески переосмысленные конфуцианские традиции, так и «западные новшества на китайской основе», стараясь не допустить кризисных явлений, свойственных экономике Запада. Этот путь во многом обеспечивает КПК — так называемое великое единство — тесную интеграцию государственного аппарата и населения страны, что проявляется а) в представленности всех групп населения страны

¹ В китайском языке термин «гармония» выражает ключевой смысл существования вещей на всех уровнях развертывания — от отдельного человека до государства и всего мироздания. Гармония находит свое выражение в трех принципах: «единство Неба и человека», «единство всех людей» и «гармония внутри самого человека» (гармония души и тела). См.: Концепция гармоничного развития Китая в начале XXI века. Доступ: <https://mgs.org.ru/konceptsiya-garmonichnogo-razvitiya-kit/> (проверено 20.07.2025).

² Guo Jiping. China's Peaceful Development and World's Common Prosperity. — *Renmin Ribao*. 2006. March 31.

³ Концепция гармоничного общества предполагает достижение баланса и согласованности между различными аспектами жизни социума, такими как экономика, политика, культура, экология и личные отношения. Это общество, в котором удовлетворены основные потребности людей, обеспечены возможности для всестороннего развития личности и существует справедливое распределение ресурсов и возможностей.

в составе правящей партии; б) в наличии оппозиционных групп, обеспечивающих дискуссионный характер обсуждения проблем развития государства и улучшения благосостояния общества и личности; в) в ответственности государственных чиновников за свои действия и поступки на основе юридических норм и неоконфуцианских морально-нравственных установок в равной степени.

Нравственные идеалы конфуцианства активно продвигаются через идею морального лидерства КПК в борьбе с коррупцией, обязывая партийных чиновников к самодисциплине, честности и служению народу. Антикоррупционная кампания, проводимая председателем КПК Си Цзиньпином, также может рассматриваться как борьба за чистоту рядов партии и укрепление доверия народа, что соответствует неоконфуцианскому принципу нравственной чистоты правителей. В этом отношении КПК позиционирует себя как морально безупречную силу, ведущую страну к процветанию. Уголовный кодекс Китая содержит положения, касающиеся взяточничества, хищения государственного имущества, злоупотребления служебным положением и других коррупционных преступлений. Ежегодно негативные последствия коррупции обходятся экономике Китая в 86 млрд долл. По оценкам экспертов, экономические потери от коррупции в КНР ежегодно составляют 13–17% ВВП; около 20% государственного финансирования оседает в карманах недобросовестных чиновников; при содействии коррупционеров преступники отмывают ежегодно около 25 млрд долл. Общий объем нецелевого использования бюджетных средств ежегодно превышает 8,5 млрд долл. С 2000 г. в Китае за коррупционные преступления расстреляны 10 тыс. чел.; 120 тыс. чиновников осуждены на 10–20 лет тюремного заключения. Всего за 30 лет реформ в КНР за коррупционные преступления осуждены более 1 млн чиновников¹. Только за 9 месяцев 2024 г. привлечено к ответственности за коррупцию 589 тыс. чел.² Не случайно КПК пытается внедрить неоконфуцианские принципы в систему государственной службы, требуя от чиновников быть морально безупречными, компетентными и преданными народу. Для этого вводятся этические кодексы и проводятся тренинги по моральному совершенствованию. Однако коррупция и злоупотребления властью остаются серьезной проблемой, что свидетельствует о том, что формальное внедрение неоконфуцианских принципов не всегда приводит к реальным изменениям в поведении чиновников³.

Важность трудолюбия, дисциплины и самосовершенствования, укорененные в китайской культуре, способствовали быстрому экономическому росту страны. Китайские рабочие известны своей высокой производительностью и готовностью к тяжелому труду, что является важным фактором конкурентоспособности китайской экономики. Воспитание и формирование таких кадров – во многом дело образования, которому руководство КПК придает большое значение как средству достижения социального прогресса и морального совершенства. КПК инвестирует значительные средства в систему образования, стремясь создать высококвалифицированную

¹ Борьба с коррупцией в Китае. Доступ: <https://ksi.lenobl.ru/ru/antikor/reports/borba-s-korrupciej-v-kitae/> (проверено 04.11.2025).

² В Китае с начала года привлекли к ответственности за коррупцию 589 000 человек. — *Ведомости*. 26.10.2024. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/10/26/1071116-kitae> (проверено 04.11.2025).

³ Китай находится на 78-м месте в индексе восприятия коррупции. Для сравнения, Россия занимает 129-ю строчку. Борьба с коррупцией в Китае. Доступ: <https://ksi.lenobl.ru/ru/antikor/reports/borba-s-korrupciej-v-kitae/> (проверено 04.11.2025).

рабочую силу, способную конкурировать на мировом рынке. Стержнем воспитания в системе образования является патриотическое воспитание, основанное на неоконфуцианских принципах формирования гордости за китайскую культуру и историю. Образование в Китае, опираясь на традиционные семейные ценности, воспитывает уважение к старшим, играет важную роль в определении карьерных возможностей, отражая неоконфуцианский принцип меритократии.

Неоконфуцианские ценности, такие как уважение к учителям, стремление к знаниям и самосовершенствованию, активно поддерживается социальной политикой Китая. Учитель рассматривается как неоспоримый авторитет, а учеба – как путь к достижению морального совершенства и социальной пользы. Несмотря на внедрение в систему китайского образования новых методов обучения, приоритет отдается нравственному воспитанию.

Опора на традиционные семейные ценности, развитие системы социального обеспечения и продвижение общественной морали – все это можно рассматривать как проявление неоконфуцианского влияния, главный вектор которого направлен на формирование гуманитарно развитой личности, самобытной и стремящейся к непрерывному саморазвитию и самосовершенствованию. Неоконфуцианство в этом процессе повлияло на содержание учебных программ: в школах и университетах стало уделяться больше внимания изучению традиционной китайской культуры, истории и философии. Это сделано для укрепления национальной идентичности и воспитания патриотизма. Однако критики отмечают, что в учебных программах часто преобладает идеологический компонент (обработка), а критическое мышление и свобода выражения мнений подавляются.

Для анализа влияния неоконфуцианства на политику современного Китая необходимо также учитывать и роль личности в интерпретации и применении этих принципов. Лидеры КПК, такие как Си Цзиньпин, своими речами, инициативами и политическими кампаниями формируют конкретное понимание и использование неоконфуцианства в текущей политической повестке. Их личные убеждения и политические цели, безусловно, влияют на то, какие аспекты неоконфуцианства нужно выделить и использовать для оправдания тех или иных политических решений. Например, акцент Си Цзиньпина на «китайской мечте» можно рассматривать как попытку объединить неоконфуцианские идеалы с современными стремлениями к национальному возрождению и экономическому процветанию. Эта концепция апеллирует к чувству национальной гордости и коллективной ответственности, что соответствует неоконфуцианскому акценту на социальной гармонии и служении обществу. Кроме того, важно учитывать региональные различия внутри Китая: в разных регионах страны неоконфуцианство может интерпретироваться и применяться по-разному – в зависимости от местных культурных традиций, экономических условий и политических приоритетов. Например, в некоторых регионах может быть более сильный акцент на традиционных семейных ценностях, в то время как в других – на инновациях и экономическом развитии.

Неоконфуцианские принципы, такие как человечность и справедливость, безусловно, влияют на отношения между государством и бизнесом. Хотя в Китае существует сильное государственное регулирование экономики, КПК также призывает предпринимателей проявлять социальную ответственность и заботиться о благосостоянии своих работников. Концепция

социально ответственного бизнеса¹ становится все более популярной, отражая стремление к гармоничному сочетанию экономического роста и социальной справедливости. Однако на практике приоритет часто отдается экономическому росту, а социальные и экологические вопросы остаются на втором плане.

Внешнеполитический курс Китая, опирающийся на концепцию мирного подъема², также может рассматриваться как отражение неоконфуцианского стремления к гармоничным отношениям с другими странами. Сегодня Китай позиционирует себя как ответственного члена международного сообщества, стремящегося к взаимовыгодному сотрудничеству и мирному разрешению конфликтов. Концепция мирного развития, продвигаемая Китаем, отражает неоконфуцианский идеал гармоничных международных отношений, основанных на взаимном уважении и сотрудничестве. Инициатива «Один пояс – один путь»³ является примером стремления Китая к укреплению экономических связей и расширению своего влияния в мире, при этом подчеркивая принципы взаимной выгоды и уважения суверенитета других стран. Концепция сообщества единой судьбы человечества⁴, выдвинутая Си Цзиньпином, отражает неоконфуцианское стремление к всеобщему благоденствию и гармонии. Китай предлагает свою модель развития как альтернативу западной, подчеркивая важность сотрудничества и взаимопомощи в решении глобальных проблем, таких как изменение климата, бедность и терроризм. Находящиеся не в лучшей экономической форме страны получают новые железные дороги, порты и электростанции. Самостоятельно с такими проектами они бы никогда не справились. Все это способствует развитию стран – участниц инициативы, укрепляет их экономику, сокращает безработицу. Однако критики отмечают, что эта концепция может использоваться для продвижения китайских интересов и подрыва существующих международных норм и институтов.

Несмотря на растущее влияние неоконфуцианства, его использование в современной китайской политике не лишено критики и ограничений. КПК часто выборочно использует неоконфуцианские принципы, игнорируя те

¹ Концепция социально ответственного бизнеса, также известная как корпоративная социальная ответственность (КСО), подразумевает, что организации должны учитывать интересы общества и окружающей среды при принятии бизнес-решений. Это означает, что компания добровольно берет на себя ответственность за влияние своей деятельности на общество и стремится к устойчивому развитию, выходя за рамки простого соблюдения законов максимизации прибыли.

² Концепция мирного подъема, также известная как «мирное развитие Китая», является официальной политикой и лозунгом Китайской Народной Республики. Она подразумевает, что Китай будет развиваться экономически и укреплять свое положение в мире, не прибегая к агрессии или военным конфликтам. Эта концепция основана на идее мирного сосуществования, где страны, даже с разными социальными системами и идеологиями, могут жить в мире и сотрудничать друг с другом.

³ Инициатива «Один пояс – один путь» выдвинута Си Цзиньпином в 2013 г. Его главная цель – обеспечить КНР ресурсами, необходимыми для укрепления собственной экономики и поддержания ее роста. Для этого на территории стран Средней и Центральной Азии уже несколько лет реализуются масштабные инфраструктурные, энергетические и логистические проекты. Инвестируются эти проекты из Китая.

⁴ Концепция сообщества единой судьбы человечества – это внешнеполитическая инициатива Китая, подразумевающая построение международных отношений на принципах равенства, взаимного уважения, диалога и сотрудничества, а также совместного решения глобальных проблем. Эта концепция отражает стремление Китая к формированию более справедливого и гармоничного мирового порядка, основанного на принципах взаимной выгоды и совместного развития.

аспекты, которые противоречат ее политическим целям. Например, акцент на иерархии и подчинении может использоваться для оправдания авторитарной власти, в то время как принципы справедливости и равенства могут игнорироваться. Критики утверждают, что КПК искажает традиционные неоконфуцианские ценности, используя их для укрепления авторитарной власти и подавления инакомыслия. Например, концепция гармонии может использоваться для оправдания цензуры и ограничения свободы слова и политической активности.

Надо заметить, что неоконфуцианские принципы, разработанные в феодальном обществе, не всегда применимы к современным реалиям глобализованного мира. Например, акцент на коллективизме может противоречить индивидуальным свободам и демократии, гендерное неравенство и иерархичность вступают в конфликт с современными представлениями о правах человека. Это подрывает доверие к власти и ставит под сомнение искренность приверженности КПК неоконфуцианским ценностям. Также существует опасность манипулирования неоконфуцианскими концепциями для достижения политических целей. Выборочное использование определенных аспектов неоконфуцианства может привести к искажению его сути и применению в пропагандистских целях.

Эти доводы явились для экспертов поводом характеризовать феномен китайского социализма в контексте капитализма — как «небрежный социализм» в условиях «четкого капитализма». Наблюдатели утверждают, что еще 15 лет назад о коммунистических идеях вспоминали только в дни съездов, когда на улицах в обилии появлялись серпы и молоты, а с трибун не вполне органично начинали декларировать, что КПК — авангард мирового марксизма-ленинизма. После прихода к власти Си Цзиньпина все изменилось: коммунистическая символика обильна на улицах круглогодично, а партийное руководство время от времени напоминает бизнесменам, что партия по-прежнему стоит на страже прав трудящихся. Из реальных результатов такой заботы заметно явное усиление влияния парткомов на всех предприятиях. До последнего времени они, как и профсоюзы, были скорее декоративными. Защита прав трудящихся в Китае так и осталась символической, а условия труда были настолько суровыми, что в мире капитала совершенно непредставимы. Однако в этом, как утверждают эксперты, по-прежнему заключается одна из причин успехов китайской экономики.

В будущем влияние неоконфуцианства на китайскую политику, вероятно, будет только возрастать. По мере того как Китай становится все более влиятельным игроком на мировой арене, он будет стремиться к укреплению своей культурной идентичности и продвижению своей модели развития. Неоконфуцианство, с его акцентом на гармонии, социальной ответственности и моральном лидерстве, может стать важным инструментом в этом процессе.

Важно отметить, что не все согласны с тем, что неоконфуцианство играет значительную роль в политике современного Китая. Некоторые эксперты за рубежом утверждают, что КПК использует неоконфуцианство лишь как инструмент для укрепления своей власти и что реальные политические решения принимаются на основе прагматических соображений. Другие считают, что влияние неоконфуцианства переоценено и что такие факторы, как национализм и экономические интересы, играют более важную роль. Кроме того, неоконфуцианство не является единственной идеологией, влияющей на политику Китая. Существуют и другие идеологии, такие как марксизм-

ленинизм с китайской спецификой, национализм и прагматизм, которые также играют важную роль. КПК использует эклектичный подход, сочетая различные идеологические элементы для достижения своих политических целей. Также существуют и критики неоконфуцианства внутри Китая, которые считают, что оно устарело и не соответствует современным потребностям общества. Они утверждают, что неоконфуцианство может быть использовано для оправдания социального неравенства, подавления инакомыслия и ограничения свободы слова.

Заключение. Влияние неоконфуцианства на политику современного Китая — это сложный и многогранный феномен, который требует дальнейшего изучения и анализа. Хотя точная степень и характер его влияния остаются предметом широких дискуссий, неоконфуцианство продолжает оказывать ощутимое воздействие на политическую культуру, идеологию и внешнюю политику Китая. Исследование этого влияния необходимо для того, чтобы понять современный Китай и его роль в мире. Важно учитывать, что Китай — это не монолитная сущность, а сложное и динамичное общество, в котором различные силы и идеи постоянно взаимодействуют и конкурируют. И неоконфуцианство, безусловно, является одной из этих важных сил.

Будущее влияние неоконфуцианства на политику Китая будет зависеть от того, как КПК сможет сбалансировать традиционные ценности с современными требованиями, а также от того, насколько искренне она будет привержена принципам морального лидерства и социальной справедливости. Понимание этого влияния необходимо для анализа внутренней и внешней политики Китая и прогнозирования его дальнейшего развития на мировой арене. Важно помнить, что неоконфуцианство — это не статичная догма, а живая традиция, которая постоянно переосмысливается и адаптируется к меняющимся условиям.

Список литературы

Кнэхт Н. П. 2024. Вопрос о технике в Китае: на пути к согласию. — *Философия в XXI веке: направления и тенденции развития*: материалы II Международной научно-практической конференции. Москва, Зеленоград — Красноярск, 12 апреля 2024 г. В 3 ч. 2024. М.: Изд-во МИЭТ. Ч. 1. С. 122-131.

Юк Хуэй. 2023. *Вопрос о технике в Китае. Эссе о космотехнике*. М.: Ад Маргинем Пресс. 320 с.

Needham J. 2004. *Science and Civilisation in China*. Cambridge: Cambridge University Press. Vol. 7. Part 2. 336 p.

KNEHT Natalia Petrovna, Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor of the Institute of High-Tech Law, Social and Humanitarian Sciences, National Research University of Electronic Technology (1 Shokina Sq, Zelenograd, Moscow, Russia, 124498)

PIROGOV Aleksandr Ivanovich, Dr.Sci. (Philos.), Professor of the Institute of High-Tech Law, Social and Humanitarian Sciences, National Research University of Electronic Technology (1 Shokina Sq, Zelenograd, Moscow, Russia, 124498)

THE INFLUENCE OF NEO-CONFUCIANISM ON THE POLITICS OF MODERN CHINA: BETWEEN TRADITION AND MODERNIZATION

Abstract. *The article analyzes the concept of neo-Confucianism as a political scientific tradition, its influence on the political system of modern China and the legitimization of power, and identifies the features of its adaptation to the conditions of the formation of a multipolar world. The authors pay a particular attention to how neo-Confucianism as a worldview and political ideology influences modern political reforms in China and how to adapt traditional Confucian values to the requirements of globalization.*

Keywords: *neo-Confucianism, Taoism, social harmony, social order, traditional values, reform*

ЯКОВА Тамара Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119019, Россия, г. Москва, Моховая ул., 9; t-yakova@mail.ru)

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ В ФОКУСЕ МЕДИАГЕОГРАФИИ

Аннотация. *В статье представлены результаты медиагеографического исследования поведения глобальной интернет-аудитории по отношению к конфликту в Южно-Китайском море. Автор адаптирует теоретико-методологический инструментарий медиагеографии к анализу медийного и ментального пространств конфликта и анализирует статистику Google Trends в рамках пространственно-временной системы координат. Полученные результаты могут стать основой для прогнозирования векторов развития поведения резидентов и политических элит государств, вовлеченных в территориальные споры в Южно-Китайском море.*

Ключевые слова: *международные конфликты, Южно-Китайское море, ментальное пространство конфликта, медийное пространство конфликта, медиагеографический анализ*

Южно-Китайское море продолжает оставаться источником напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Многолетние территориальные споры¹ между КНР и странами АСЕАН (Вьетнам, Бруней, Малайзия, Филиппины) приобрели глобальный характер из-за вмешатель-

¹ Предметом территориальных претензий являются две группы островов: Парасельские острова (китайское название – архипелаг Сиша), расположенные на северо-западе Южно-Китайского моря, и архипелаг Спратли (остров Наньша), представляющий собой обширную группу небольших островов, рифов и атоллов на юго-востоке акватории.